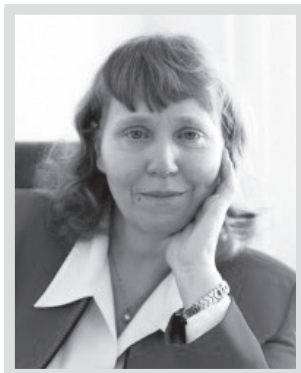

УДК 343.2

К вопросу об уголовно-правовых гарантиях реализации права на защиту***Лобанова Л.В.**

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета

В статье поднимается проблема противодействия воспрепятствованию осуществлению обвиняемым и подозреваемым права на защиту. Обращается внимание на общественную опасность и распространённость целого ряда форм нарушений указанного права. Выясняются потенциальные возможности использования для предупреждения такого рода деяний, закреплённых в действующем УК РФ законоположений. Обосновывается вывод о недостаточности существующих уголовно-правовых гарантий для осуществления права на защиту, в том числе на получение обвиняемым и подозреваемым квалифицированной юридической помощи. Предлагается формулировка новой статьи Уголовного кодекса РФ, устанавливающей ответственность за воспрепятствование осуществлению права на защиту.

Ключевые слова: право на защиту, вмешательство в деятельность защитника, уголовно-правовые гарантии, воспрепятствование законной деятельности, правозащитная функция.

В Российской Федерации на конституционном уровне за правосудием признана правозащитная роль (ст. 18 Конституции РФ). В соответствии с этим и уголовное судопроизводство самим законодателем охарактеризовано не как механизм борьбы с преступностью и преступниками, а в качестве системы инструментов, призванных обеспечить защиту, с одной стороны, лиц и организаций, претерпевших от преступления, с другой – личности от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Подобное определение назначения уголовного процесса вовсе не означает отказ государства от выполнения функции противодействия общественно опасным деяниям. Оно всего лишь свидетельствует о намерениях осуществлять данную функцию исключительно в рамках правового поля, не допуская необоснованного уголовного преследования граждан, осуждения невиновных, назначения кому бы то ни было чрезмерно сурового наказания. Теоретическое обоснование именно такой роли уголовного судопроизводства было подготовлено отечественной юриспруденцией задолго до того, как Россия объявила себя правовым государством (ч. 1

ст. 1 Конституции РФ). «Задача уголовного правосудия, – писал, например, в начале XX в. И.Я. Фойницкий, – состоит не в наказании во что бы то ни стало, а в наказании только виновного. Осуждение невиновного противоречит ему столько же и даже более, чем оправдание виновного. Чем надёжнее поэтому ограждена невиновность, тем более обеспечены интересы правосудия» [1, с. 59]. Но лишь на рубеже второго и третьего тысячелетий эта идея получила, как видим, нормативное оформление.

Демонстрация государством своей готовности связать себя законом в сфере уголовного процесса позволяет с большей взыскательностью оценивать надёжность и достаточность тех правовых гарантий, с помощью которых обеспечивается право обвиняемого, подозреваемого на защиту. Вполне уместным становится и вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности лиц, создающих труднопреодолимые препятствия для реализации носителями этого права соответствующих возможностей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 17-03-00798.

Судя по сигналам, поступающим в периодическую и юридическую печать, факты воспрепятствования реализации обвиняемыми и подозреваемыми комплекса принадлежащих им прав не являются единичными. С особыми сложностями связано получение указанными участниками уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощи. На страницах «Новой адвокатской газеты» не один год звучат тревожно-негодующие голоса по поводу воспрепятствования адвокатам в осуществлении ими процессуальной деятельности защитника [см.: 2; 3; 4]. Распространенность случаев такого рода асоциального поведения подтверждают и результаты специальных научных исследований. Так, по данным опроса, проведенного О.А. Горбуновым (опрошено 145 адвокатов), подавляющее большинство респондентов (81 %) считают, что противодействие законной деятельности адвоката в уголовном процессе в последние годы резко возросло. При этом 84 % опрошенных согласны с тем, что «противодействие законной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве является фактором, который существенно снижает возможности реализации конституционного права на защиту» [5, с. 3].

В ходе своего диссертационного исследования упомянутый автор выделил типичные способы противодействия законной деятельности адвоката-защитника, носящие противоправный характер, объединив их в такие группы нарушений, как 1) противодействие реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве; 2) нарушение гарантий независимости и неприкосновенности адвокатов-защитников; 3) нарушение адвокатской тайны [5, с. 14-15]. В числе способов, относящихся к первой группе, О.А. Гобуновым особо отмечены ограничение доступа защитника к защищаемому лицу и (или) материалам уголовного преследования, а также препятствование участию данного субъекта в доказывании и осуществлении полномочий защитника при производстве следственных действий [5, с. 15]. В качестве подвидов нарушений гарантий независимости адвокатов в диссертации обозначены: производство обысков, других следственных действий в отношении адвоката, а равно осуществление оперативно-розыскных мероприятий без судебного решения об этом, практика склонения защитников к негласному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность либо к сотрудничеству с преступными группами; необоснованный отказ принять меры по обеспечению безопасности адвоката или членов его семьи; угрозы, оскорбления и насилие по отношению к защитнику, необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности или незаконное уголовное преследование, вызов на допрос и допрос в качестве свидетеля с целью последующего устранения от участия в деле [5, с. 18]. Как показы-

вают итоги освещаемой диссертационной работы, типичными являются и различные нарушения адвокатской тайны (допрос защитника в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием; производство следственных действий, направленных на обнаружение предметов, составляющих предмет адвокатской тайны, производство с той же целью контроля и записи переговоров адвокатов, аудиоконтроля свиданий адвоката-защитника со своими подзащитными в следственном изоляторе (СИЗО) и изоляторе временного содержания (ИВС), изъятие в СИЗО и ИВС адвокатских досье под предлогом осуществления контроля за перепиской подозреваемого и др.) [5, с. 19].

Относительная массовость подобных деяний указывает на то, что Россией пока в должной мере не выполняется обязанность по предоставлению адвокатам гарантий их профессиональной деятельности, возложенная на национальные правительства рядом документов международного-правового характера. Особо следует среди этих документов отметить принятые ещё в августе 1990 г. на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями «Основные положения о роли адвокатов». Государства-члены ООН, в том числе и Российская Федерация, приняли на себя обязательства не только по созданию таких условий для деятельности представителей адвокатской профессии, при которых они защищены от всякого неоправданного вмешательства и угроз, но и по обеспечению возможности беспрепятственно консультировать своих доверителей, а также созданию гарантий недопустимости судебного, административного и иного преследования за действия, совершённые в рамках профессиональных обязанностей и в соответствии с этическими нормами, обеспечения безопасности жизни и здоровья самого адвоката и членов его семьи; недопустимости отождествления адвоката при осуществлении им правозащитной функции со своими клиентами и отказа адвокату, имеющему допуск к практической деятельности и не дисквалифицированному, в представлении интересов его доверителя; права адвоката на безотлагательный доступ к надлежащей информации, необходимой для оказания эффективной юридической помощи клиенту; обеспечения конфиденциальности профессионального общения адвокатов с их клиентами [подробнее об этом см.: 6, с. 136-137].

Несмотря на прямое действие рассматриваемого международно-правового акта на территории РФ (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) и частичную имплементацию его положений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (см., например, ч. 1 ст. 18, ч. 3 ст. 31 и др.), обстановка, в которой приходится трудиться адвокатам вряд ли

значительно улучшилась. Не случайно представители и адвокатской, и научной общественности ставят вопрос о конструировании норм, устанавливающих уголовную ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность и (или) воспрепятствование законной деятельности адвоката.

Так, Н.В. Висков, опираясь на сравнительно-правовой анализ УК РФ и ряда уголовных законов зарубежных стран (УК Испании, Казахстана, Литовской Республики, Норвегии и Украины), предлагает сформулировать диспозицию ч. 2 ст. 294 УК РФ следующим образом: «2. Вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, а также адвоката в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела или рассмотрению его судом <...>» [7, с. 204].

Сходные идеи развивает в своей монографии и И.В. Дворянсков, полагая «целесообразным включить в круг потерпевших от преступления, предусмотренный ст. 294 УК РФ, защитника (представителя)» [8, с. 221], а также высказываясь за необходимость коррекции названия статьи. Он предлагает именовать последнюю «Вмешательство в осуществление судебной деятельности, производство предварительного расследования или реализацию процессуальных функций прокурора, защитника (представителя)» [8, с. 222]. Вместе с тем следует отметить, что И.В. Дворянсков иначе формулирует цель вмешательства в деятельность указанных субъектов, считая, что таковой должна быть цель создания препятствий законному осуществлению соответствующей деятельности [8, с. 225, 226].

Некоторые представители адвокатского сообщества предлагают разрешить рассматриваемую проблему посредством конструирования отдельной статьи. Одну из моделей таковой построил, например, адвокат С. Фурлет. По его мнению, новая ст. 294¹ УК РФ должна устанавливать уголовную ответственность для лиц, осуществляющих производство по делу, а равно помощника судьи и секретаря судебного заседания как за вмешательство в адвокатскую деятельность (ч. 1), так и за воспрепятствование законной деятельности адвоката (ч. 2) [9, с. 23-28].

Появление подобных предложений вполне объяснимо. Результаты проведенных специалистами исследований указывают, что совершаемые вопреки закону деяния компетентных должностных лиц, способные причинить существенный вред участникам уголовного процесса, правосудию в целом, а также другим общественным отношениям, в существовании и развитии которых заинтересовано общество и государство, широко распространены. На фоне этих результатов данные официальной статистики, свидетельствуя об относительном благополучии в соответствующей сфере, не могут не вызывать своеобразного раздражения и не побуждать к раз-

мышлениям о недостаточности уголовно-правовых средств реагирования на многочисленные случаи воспрепятствования получению обвиняемыми и подозреваемыми квалифицированной юридической помощи при реализации права на защиту.

Например, из опубликованного в «Российской газете» интервью Председателя Следственного Комитета России А. Бастрыкина следует, что за период 2011-2014 гг. в РФ за должностные преступления привлечено 310 следователей различных ведомств [см.: 10]. Данные же, которыми располагает Судебный Департамент при Верховном Суде РФ, свидетельствуют о немногочисленности фактов осуждения за преступления против правосудия, субъектами которых выступают должностные лица, осуществляющие производство по делу. Например, за период первого полугодия текущего года ненулевые показатели имеются только применительно к ст. 303 УК РФ, по ч.ч. 2 и 3 которой в совокупности осуждено 23 человека [11].

Действительно, при внимательном рассмотрении потенциальные возможности положений действующего УК РФ в предупреждении такого рода деяний и в формировании правовой основы для привлечения к ответственности лиц, виновных в их совершении, оказываются весьма скромными. Так, ст. 294 УК РФ абсолютно для этого непригодна, будучи, судя по её тексту, предназначенной для охраны независимости судебной власти и процессуальной самостоятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование. Содержание диспозиции ч. 1 ст. 299 УК РФ, техника изложения соответствующего состава преступления не позволяют оценивать в соответствии с этой статьёй указанные выше и многие иные варианты откровенного нарушения права на защиту. Более того, сам факт такого нарушения в некоторых ситуациях оказывается аргументом при обосновании невозможности квалификации содеянного в качестве окончательного преступления, ответственность за которое установлена ст. 299.

Приведём в подтверждение сказанного выдержку из одного кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. «Обвинительный акт, – подчёркивается в решении, – является формой объединения в одном документе постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения. Однако официальным процессуальным документом он становится после его предъявления обвиняемому, поскольку в силу ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знать, в чём он обвиняется, получить копию обвинительного акта, возражать против обвинения, а, в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ, обвинение – это утверждение о совершении определённым лицом деяния, запрещённого уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. Само по себе составление обвинительного акта не может рассматриваться как

оконченное преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, поскольку на данной стадии возможен предусмотренный ст. 31 УК РФ добровольный отказ, исключающий уголовную ответственность. В этой связи не могут быть признаны состоятельными доводы кассационного представления о том, что Т. была полностью выполнена объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, которое, по мнению государственного обвинителя, окончено с момента изготовления и утверждения обвинительного акта» [12].

Как видим, нарушение компетентными органами одной из значимых для реализации права обвиняемого, подозреваемого на защиту возможностей – права знать, в чём он обвиняется, – принесло определённую пользу должностному лицу (дознавателю Т.), умышленно совершившему действия, заключающиеся в незаконном уголовном преследовании невиновного лица, вместо того, чтобы усугубить его положение. Судебную коллегия при этом не смутило, что обвиняемый в краже, чьё право на защиту было нарушено, тем не менее, оказался на скамье подсудимых, и не исключено, что благодаря указанному нарушению.

Абсолютное большинство проявлений воспрепятствования осуществлению права на защиту, включая право на получение квалифицированной юридической помощи, находится за рамками действия ст. 303 УК РФ, поскольку последняя статья рассчитана, как выясняется при её толковании, лишь на случаи подмены и подделки доказательств. Совершенно на иные ситуации, нежели на рассматриваемые нами деяния, рассчитаны также ст.ст. 300, 301 и 302 УК РФ. Лишь некоторые точки соприкосновения имеются у воспрепятствования реализации права на защиту с вынесением заведомо неправосудного судебного акта. Если ущемление указанного процессуального права подозреваемого или обвиняемого производит судья, то данное нарушение способно выступать этапом, предпосылкой, целью неправосудия, то есть преступления, описанного в ст. 305 УК РФ. Однако и последняя статья не может служить гарантией от злоупотреблений, исходящих от лиц, осуществляющих уголовное преследование.

В условиях отсутствия в гл. 31 УК РФ специального запрета воспрепятствования осуществлению права на защиту (в целом либо реализации отдельных входящих в его содержание прав, скажем, права пользования помощью защитника) необходимо обратить внимание и на так называемые общие составы должностных преступлений. Что мешает признать искомыми уголовно-правовыми гарантиями ст.ст. 285 и 286 УК РФ?

Как и во многих других случаях правовой оценки должностных злоупотреблений, отрицание возможности применения ст. 285 УК РФ к фактам воспрепятствования осуществлению права на за-

щите связано с конструктивными особенностями соответствующего состава преступления, который описан в данной статье, а именно с указанием в законе на такие обязательные признаки преступного злоупотребления должностными полномочиями, как наличие общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства и мотива корыстной либо иной личной заинтересованности. И если трудности, связанные с установлением признака существенности нарушения права гражданина, можно преодолеть, при недопущении слишком вольного толкования закона и помня об исключительной важности реализации права на защиту, включая возможность получения квалифицированной юридической помощи, то этого нельзя сказать относительно сложностей, касающихся обнаружения названных в ст. 285 УК РФ побудительных мотивов.

Так, результаты отдельных исследований указывают на типичность таких побуждений, вызывающих к жизни должностные злоупотребления в сфере правосудия, которые в науке уголовного права именуют нередко влиянием ложно понятных интересов службы [13, с. 76], мотивами корпоративно-ведомственной солидарности [14, с. 12], чувством ложного патриотизма [15, с. 130] и т.п. Например, Т.И. Гарипов в ходе изучения правоприменительной практики пришёл к выводу, что корыстный мотив не является наиболее распространённым мотивом совершения должностными лицами общественно опасных деяний в сфере правосудия. «Определяющим мотивом, – подытожил он в своей диссертации, – выступает стремление добиться необходимого положительного результата, обусловленного интересами службы» [16, с. 153]. «Рисуя» средне-статистический портрет криминогенной личности должностного лица органа предварительного расследования, автор отмечает, что её можно охарактеризовать с помощью следующих признаков: «лицо мужского пола, стаж служебной деятельности от 1 до 5 лет, установка на удовлетворение узколичностных, корпоративных интересов. С нравственно-психологической точки зрения, такому сотруднику свойственен конформизм, правовой нигилизм и профессиональная деформация сознания, ложный “патриотизм” по отношению к своему подразделению» [16, с. 156].

В то же время в теории уголовного права убедительно обоснована недопустимость отождествления производственной мотивации с мотивами личной заинтересованности [17, с. 146; 18, с. 46 и др.]. И в самом деле, личная заинтересованность не может выражаться ни в чём ином, как в стремлении получить благо лично для себя, своей семьи либо иных близких лиц. Служебно-производственная мотива-

ция должностного нарушения, хотя и неоднородна, но тем не менее всегда связана с направленностью волевых усилий лица на достижение результата, в котором заинтересовано отнюдь не одно оно, а определённый круг лиц, складывающийся по иному принципу, нежели родственные либо иные близкие отношения. Решающее значение в этом случае имеет беспокойство субъекта об общественной пользе, представление о которой под влиянием различных факторов объективного и субъективного порядка сформировано в его сознании в искажённом виде.

Вряд ли проблема уголовно-правовой оценки воспрепятствования должностными лицами правоохранительных органов осуществлению права на защиту, как и некоторых других общественно опасных деяний, совершённых в сфере правосудия, но до сих пор не признанных преступными, должна решаться путём реформирования ст. 285 УК РФ. Несмотря на популярность предложения исключить из данной статьи указание на мотивы преступного деяния [см., например: 19, с. 60; 20, с. 17-18], реализацию этой рекомендации мы не можем признать целесообразной. «Подобная новелла, – верно замечает А.В. Синельников, – привела бы к чрезвычайному расширению сферы действия ст. 285 УК РФ. Ведь <...> признак личной заинтересованности во многих случаях выступает как фактор, повышающий степень общественной опасности деяния до уровня, соответствующего минимальным требованиям обоснованности криминализации. Это не относится к посягательствам против правосудия, социальная опасность которых требует уголовно-правового реагирования независимо от мотивов деяния. Вместе с тем указанный критерий вполне актуален для противоправного поведения должностных лиц в других областях государственной деятельности» [21, с. 132].

Думается, что не может также служить правовой основой для противодействия воспрепятствованию осуществлению права на защиту ст. 286 УК РФ, поскольку лишь отдельные из форм подобного посягательства на правосудие могут быть оценены как действия, явно выходящие за пределы прав и полномочий должностного лица, осуществляющего производство по делу (скажем, насильственные действия в отношении защитника). Большинство же деяний формально укладываются в русло осуществления процессуальных полномочий компетентных органов и должностных лиц. Превышением должностных полномочий не может считаться и отказ в предоставлении свидания с подзащитным, осуществлённый сотрудником СИЗО или ИВС, поскольку таковой непосредственно связан с реализацией (хотя и вопреки интересам службы) служебных полномочий. Вместе с тем проблема реагирования на случаи подобных неправомерных отказов, мотивируемых в основном отсутствием информации от правоохранительных органов о вступлении в

дело конкретного защитника, судя по всему, имеет системный характер. В её основе лежит позиция не отдельных представителей СИЗО и ИВС, а всей Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), поддерживаемая другими силовыми ведомствами. В результате, несмотря на изменения уголовно-процессуального закона (ст. 4 УПК РФ), в России по-прежнему фактически господствует разрешительный порядок представления свиданий подозреваемому либо обвиняемому, содержащемуся под стражей, со своим защитником.

«Ошибочно считать, – комментирует сложившуюся ситуацию вице-президент Федеральной палаты адвокатов Генри Резник, – что вступление в дело обязательно означает приход адвоката к следователю с ордером. В ст. 53 УПК РФ первое полномочие, которым обладает адвокат, вступивший в дело, – это право на свидание с подзащитным, который находится в следственном изоляторе» [4]. О принципиальной важности беспрепятственной реализации указанного полномочия для осуществления права на защиту говорилось ещё в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”, в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева». «Требование обязательного получения адвокатом (защитником) разрешения, – отмечено в решении, – <...> на допуск означает по существу, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) – возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) или субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера» [22]. Но если основанием отказа в предоставлении свидания защитнику с его подзащитным не может служить отсутствие разрешения на это от органов, осуществляющих производство по делу, то тем более таковым не может служить отсутствие информации о вступлении в дело конкретного защитника, исходящей от указанных органов.

С учётом сказанного постановка вопроса о конституировании уголовно-правовых норм, специально предназначенных для противодействия различным формам воспрепятствования осуществлению права на защиту, нам представляется вполне обоснованной. Важно лишь правильно определить контуры содержания соответствующего уголовно-правового запрета и по возможности такую технико-юридическую форму его изложения, чтобы правотворческая

воля была единообразно понята правоприменителем. Решение указанных задач нам представляется следующим образом.

Во-первых, ст. 294 УК РФ мало подходит для того, чтобы послужить основой для создания проектируемого уголовно-правового запрета, поскольку осуществление права на защиту предназначено отнюдь не только и, видимо, не столько для обеспечения независимости судебной власти или достижения познавательных целей предварительного расследования либо правосудия, сколько для реализации правозащитной функции последнего. Нужна, думается, самостоятельная статья, описывающая состав преступления, основной объект которого близок объекту преступления, предусмотренного ныне ст. 299 УК РФ. Соответственно и расположить её желательно рядом с последней статьёй.

Во-вторых, содержание нового уголовно-правового запрета не следует сводить к запрещению незаконного влияния на деятельность защитника. При всей важности получения обвиняемым, подозреваемым возможности пользоваться помощью защитника указанное правомочие не исчерпывает всего права на защиту. Последнее обвиняемый, подозреваемый могут реализовать лично, а также с помощью законного представителя. К тому же лишить гражданина возможности пользоваться квалифицированной юридической помощью можно, и не прибегая к вмешательству в деятельность адвоката, например, путём невыполнения обязанности по приглашению защитника (ч. 2 ст. 50, ч. 3 ст. 51 УПК РФ). Нельзя упускать из виду и целевое назначение гарантий независимости осуществления адвокатской деятельности и соблюдения адвокатской тайны. В конечном итоге таковые являются необходимыми условиями для эффективного осуществления права на защиту. Отсюда вытекает, что нарушение подобных гарантий, также как и воспрепятствование реализации адвокатом его процессуальных правомочий защитника, следует рассматривать в качестве возможных форм нарушения права на защиту.

В-третьих, круг субъектов нового состава преступления не следует ограничивать только лицами, осуществляющими производство по делу, поскольку не только они, как явствует из предшествующего изложения, способны создать трудноопределимые препятствия для реализации обвиняемым, подозреваемым права на защиту. Вместе с тем целесообразно подумать о дифференциации уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению названного права с помощью квалифицирующих признаков, в частности, характеризующих особые полномочия лица, допустившего нарушение. На наш взгляд, повышенная ответственность должна устанавливаться для всех лиц, на которые возложена обязанность обеспечить обвиняемому право на защиту.

В-четвёртых, при формулировании нового за-

коноположения следует отдать предпочтение абстрактной форме изложения законодательного материала. Перегруженность текста закона перечислением многочисленных форм осуществления преступного деяния затрудняет восприятие его смысла.

Предложим в заключение один из вариантов описания в законе проектируемого состава преступления: «Статья 299¹. Воспрепятствование реализации права на защиту.

1. Воспрепятствование законной деятельности защитника либо несоблюдение установленных федеральными законами РФ гарантий реализации адвокатами своих процессуальных полномочий или адвокатской тайны, а равно иные деяния, направленные на создание существенных препятствий для осуществления обвиняемым или подозреваемым права на защиту, – наказываются ...».

Литература:

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – СПб.: Альфа, 1996. – 606 с.
2. Незаконные допросы и обыски продолжаются // Новая адвокатская газета. – 2011. – № 8.
3. Упорное неисполнение новелл УПК РФ // Новая адвокатская газета. – 2017. – № 19.
4. ФСИН закон не писан? // Новая адвокатская газета. – 2017. – № 19.
5. Горбунов О.А. Противодействие законной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве (характеристика, средства предупреждения и нейтрализация): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006. – 24 с.
6. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2011. – 312 с.
7. Висков Н.В. К вопросу об уголовно-правовых гарантиях прав адвокатов: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 201-205.
8. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губина, 2013. – 377 с.

9. Фурлет С. Об ответственности за вмешательство в адвокатскую деятельность и воспрепятствование законной деятельности адвоката // Московский адвокат. – 2016. – № 1. – С. 23-28.
10. Интервью: Александр Бастрыкин // Российская газета. – 2015. – 14 января (№ 4).
11. Отчет о числе осужденных по всем составам преступления Уголовного кодекса РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 6 месяцев 2017 г. (Форма 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152> (дата обращения: 15.11.2017).
12. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 сентября 2007 г. по делу № 47-007-46 // СПС «Консультант Плюс».
13. Светлов Н.Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. – Киев: Наук. думка, 1970. – 187 с.
14. Синельников А.В. Проблемы квалификации злоупотреблений должностными полномочиями: лекция. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. – 30 с.
15. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 166 с.
16. Гарипов Т.И. Преступления против правосудия, совершаемые в досудебных стадиях уголовного судопроизводства его участниками и иными лицами (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 221 с.
17. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. – 368 с.
18. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учеб. пособие. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2013. – 108 с.
19. Егорова Н.А. Преступления против интересов службы. – Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 1999. – 188 с.
20. Конов Т.Х. Позитивное воздействие на злоупотребление должностными полномочиями: социальный и правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 22 с.
21. Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 210 с.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункта 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // Гарант. РУ: Информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1252483/> (дата обращения: 15.11.2017).

Criminal-Legal Guaranties of Exercising the Right to Defense

Lobanova L.V.
The Volgograd State University

The article deals with the problem of counteraction to hindering a defendant and a suspect from exercising the right to defense. The public danger and prevalence of a number of forms of violations of the specified right were emphasized. Potential opportunities of use of provisions enshrined in the current Criminal Code of the Russian Federation for prevention of such wrongs were evaluated. The conclusion that the current criminal legal guaranties are not suffice for exercising the right of defense, including receiving by a defendant and a suspect the competent legal assistance, was substantiated. A new draft article of the Criminal code about responsibility for hindrance from exercising the right to defense was presented.

Key words: right to defense; interference in defense lawyer's activity; criminal-legal guarantee; hindering legal activity; human rights function.

